

Ретроспектива Владимира Лагранжа в Центре им. братьев Люмьер

Когда я спрашиваю фотографа Владимира Руфиновича Лагранжа, не потомок ли он знаменитого французского математика XVIII века, он отвечает отрицательно. Но, оказавшись в Генуе в середине 1970-х, улицу Лагранжа, конечно, снял. Снимок, где оживленная генуэзская улица отражается в зеркальном фасаде торгового центра, объединяет два пространства – старого города и современной дороги с оживленным трафиком, – и две эпохи. Они выглядят непересекающимися мирами, будто встретились только на фото Лагранжа.

Встреча – один из главных сюжетов «Улиц Лагранжа», большой ретроспективы известного фотомастера, приуроченной к его 80-летию. Дворовый вратарь, у которого вместо хоккейных доспехов – миски на коленках и подушка на пузе, готов отразить атаку. Пара влюбленных встречает восход. Голова скульптурной лошади заглядывает в альбом рисующей девушки. Ельцин в кольце журналистов, явно рубит плеча, не выбирая выражений...

Встречи героев на «Улицах Лагранжа» могут быть в музеях, у деревенских околиц, у фонтанов, на набережной Невы, в старом дворике... Владимир Лагранж – один из самых ярких мастеров советской стрит-фотографии. Правда, при слове «стрит-фотография» морщится – предпочитает «уличную жанровую съемку». Парадокс в том, что улицей он увлекся, став в 1959 году учеником фотографа в ТАСС. Всё, от официальной съемки в верхах до сельхозрекордсменов на ВДНХ, было расписано. А улицы – то место, где 22-летний ученик не залезет на территорию коллег.

Пространство улиц оказалось территорией свободы -поиска и творчества. Так в фильмах 1960-х «Мне двадцать лет» Марлена Хуциева или «Я шагаю по Москве» Георгия Данелии распахивается пространство города как лирическое и одновременно – публичное, вихревое. На улице встречаются, влюбляются, ссорятся, идут на работу, стоят в очереди. Это черта эпохи, уходящей от мажорности официальных муз к многоголосию индивидуальностей. Фотографии Лагранжа времен оттепели созвучны кинематографической поэтике Хуциева и Данелии. Он тонко чувствует динамику, умеет видеть сюжеты. Собственно, их и новостями назвать трудно. Игра в снежки. Малыши тянутся к кнопке автомата с «газировкой». Девочки прыгают через скакалку на Тверском бульваре. Дети в антракте смотрят в театральные бинокли друг на друга. Вроде ничего не происходит. Точнее, происходит – жизнь. Без «слушали» – «постановили».

У него редкое чувство пространства. Улица превращается в сцену. Студенты у парапета на набережной исполняют «серенады» девчонкам. Эйфелева башня нависает над маленьким «Рено» как корабль пришельцев. Классическая перспектива, которую замыкает дворец, выстроена как сцена в театре Расина или фильме Эрика Ромера.

Мир коммуналок, которые Лагранж снимал с 1980-х, казалось бы, – антитеза «киношной» улице 1960-х. Вынужденная публичность частной жизни совсем не лучезарна. Иногда почти гротескна. Коза на кухне 1990-х в московской квартиры на Сретенском бульваре, такая же полноправная обитательница дома, как бабушка с дочкой и внучкой. Но и гротеск у Лагранжа подчинен семейной идиллии.

Из лирики «оттепели» он выходит к сюжетам Театра.doc так же естественно, как от снимков репетиций Олега Ефремова в юном «Современнике» к изящной графике строительных кранов (с лозунгом «Мир – это жизнь»)… Впрочем, от лирики Лагранж идет не к публицистике, скорее – к эпосу.

Фотографии Лагранжа созвучны кинематографической поэтике фильмов Хуциева и Данелии 1960-х…

И фильм «Миры Владимира Лагранжа», снятый Сергеем Гавриловым и Даниэлем Лё Февром, который можно посмотреть на выставке, приоткрывает нам Лагранжа – и узнаваемого мастера, и незнакомого, совершенно «нового».

